

СОЦИС

Журнал основан
в июне 1974 года

СОДЕРЖАНИЕ

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ РОССИЙСКИХ РЕФОРМ

- 3 ГОРШКОВ М.К. Реформы в зеркале общественного мнения
11 БЕЛЯЕВА Л.А. Динамика отношения россиян к социально-экономическим и политическим изменениям

ТЕОРИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ

- 26 БУРАВОЙ М., РАЙТ Э.О. Социологический марксизм (Часть II)

МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

- 39 ДАВЫДОВ А.А. Динамика развития человека: латентная глокализационная модель
46 ГАВРИЛОВ К.А. Интенциональность: структура и семантические эквиваленты
56 СОЛНЫШКОВ А.Ю. Алгоритм социометрической диагностики для формальных групп значительной численности

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

- 69 АНДРЕЕВА Л.А., ЭЛБАКЯН Е.С. Отношение к духовенству сословий и социальных групп Российской империи (начало XX в.)
81 БЛАГОЕВИЧ М. Возрождение православия в Сербии: действительность или миф?

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

- 88 УБАЙДУЛЛАЕВА Р.А. Общество и семья в Узбекистане
99 ГУРКО Т.А., ОРЛОВА Н.А. Развитие личности подростков в различных типах семей
108 ДЕМЕНТЬЕВА И.Ф. Факторы риска современного детства

КАФЕДРА. КОНСУЛЬТАЦИИ

- 115 ТЕРНЕР С. Кто боится истории социологии
120 МАЛИКОВА Н.Р. Инновационные подходы в обучении социологии: из опыта преподавания в вузе
126 ДОВЕЙКО А.Б. Отношение преподавателей высшей школы к негосударственным вузам
133 БУЛАНОВА М.Б., МЕДВЕДЕВА Д.М. Социологическое образование в региональных вузах России

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- 139 АНДРЮЩЕНКО Е.Г. От правовой к социально-экономической и политической декриминализации

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 146 МАЙОРОВА-ЩЕГЛОВА С.Н., ОРЛОВА Л.А., КУЧЕНКОВА А.В. Журнал "Социологические исследования": мнение преподавателей-социологов.
147 КИРДИНА С.Г. Опыт междисциплинарного исследования социальной реальности
149 КСЕНОФОНТОВА И.В. Дискурсивные стратегии социальной памяти
149 ЦАПКО М.С., КОЛОСОВА Е.А. Интеллигенция в этноконфессиональном мире: пути выбора
150 ЩЕГОЛЬКОВА Е.Ю. Актуальные проблемы этнической политики в России
152 **КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ** (рецензируются книги: Hans Joas and Wolfgang Knöbl. SOCIAL THEORY: TWENTY INTRODUCTORY LECTURES, transl. Alex Skinner. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. **Рец. Л.Г. Титаренко**; Постсоветские столицы: Минск, Вильнюс, Баку. Минск, 2009. **Рец. Н.М. Великая**).

68, КОРОТКО О КНИГАХ

157,
158

159 CONTENTS

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ (2-стр. обл.)

КНИГИ, ПРИСЛАННЫЕ В РЕДАКЦИЮ (3-я стр. обл.)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

© Российская академия наук, 2011 г.

© Редколлегия журнала "Социологические исследования" (составитель), 2011 г.

К.А. ГАВРИЛОВ

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ: СТРУКТУРА И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ

ГАВРИЛОВ Кирилл Андреевич – кандидат социологических наук, ст. преподаватель НИУ ВШЭ, младший научный сотрудник Института социологии РАН (E-mail: gavrilov@socio.msk.ru).

Аннотация. Проясняется структура представления об интенциональном действии. Выявляются семантические эквиваленты “интенциональности” в русском языке, которые можно использовать в экспериментах при исследовании обыденного знания о социальном мире. На основе эмпирических данных обосновывается предположение, что “acting intentionally” – это скорее “действовать специально” или “действовать преднамеренно”. Очерчиваются направления исследований, связанные с понятием интенциональности.

Ключевые слова: интенциональность • деятельность • социальное действие • семантические эквиваленты • преднамеренное действие • “народная социология”

Постановка исследовательской задачи. Понятие интенциональности – одно из ключевых для современных социологических теорий, построенных на изучении социального действия и деятельности. Использование этой категории в настоящее время не ограничивается феноменологическим направлением социологии, восходящем к Э. Гуссерлю и, условно, к Ф. Brentano [Ландгребе, 2002]. Известны исследования, базирующиеся на философских идеях Л. Витгенштейна и Дж. Сёрла². Более того, подразумевая под интенциональностью направленность действия на некую цель, можно говорить, что социологическая традиция, принимающая во внимание свойство интенциональности действия, берет начало в работах Вебера и трудах Аристотеля. В этом смысле не удивительно, что понятие действия зачастую определяется через свойство интенциональности [Девятко 2003: 87].

Не вызывает сомнений, что интенциональность – научное понятие. Однако не вполне очевидно, является ли интенциональность конструктом знания, какую структуру оно имеет? Ведь если индивиды являются “практическими социальными теоретиками” (Гидденс), которые “постоянно так или иначе используют понятия действия” [Гидденс, 2002: 286, 294], нельзя исключать того, что представление об интенциональности есть часть “наивных” социальных теорий. Важность указанного вопроса трудно переоценить в свете идеи А. Шюца что задачей социальных наук является создание “конструктов второго порядка”, которые должны быть основаны на конструктах обыденного знания [Шюц, 2004: 61]. Положение: индивиды “вполне обыденно” не привлекают какие-либо представления об интенциональности, “поддерживая любого рода взаимодействия” [Гидденс, 2002: 286], – размывает основу ключевого понятия для социологии – *социальное действие*.

Может показаться, что “интенциональность” – “далекое-от-опыта” понятие [Гирц, 1996: 91], которое индивиды едва ли используют в процессе отслеживания хода сво-

¹ Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований ГУ-ВШЭ в 2010 г.

² Интерпретацию идей и обсуждение вклада Дж. Сёрла см.: специальный выпуск [American Journal of Economics..., 2003], а также: [Сёрль, 1993; Шмерлина, 2005].

ей деятельности; значит, говорить о “наивном” представлении об интенциональности равнозначно допущению, что индивиды обычно используют такие конструкты как “симулякр”, “рационализация” или “сублимация”. Ситуация не столь однозначна, если принять во внимание, что в англоговорящем мире “acting intentionally” употребляется индивидами обыденно. Тогда, вероятно, это представление – часть их “наивной” теории о социальном. Таким образом, “ореол научности”, характерный для употребления слова “интенциональность” в русскоязычном контексте, может служить аргументом не столько в пользу отказа рассматривать соответствующий конструкт, сколько в пользу поиска более-менее адекватного русского эквивалента “acting intentionally”, который бы имел подобную структуру и выполнял аналогичные функции (последние сначала должны быть эксплицированы).

Эти соображения позволяют сформулировать две ключевые задачи. Во-первых, *прояснить структуру представления об интенциональности*. Во-вторых – *выявить семантические эквиваленты “интенциональности” в русском языке*, то есть найти словосочетания, которые можно использовать в качестве синонима английскому “acting intentionally”, подразумевая, что идентичность слов означает совпадение или близость структур соответствующих понятий при их использовании в определенных контекстах. Эту задачу планируется решить в ходе эмпирического исследования³. Подчеркнем, что мы не пытаемся решить проблему адекватности перевода словосочетания “acting intentionally” в широком смысле, безотносительно к контексту. Мы также не намерены оспаривать правомерность использования в научной социологической литературе устоявшегося термина “интенциональность”. Скорее, мы ставим методическую задачу по поиску такого эквивалента английскому “acting intentionally”, которое уместно использовать в экспериментальных ситуациях, характерных для “народной социологии” – нового социологического направления, связанного с изучением обыденного знания о социальном мире [там же: 4].

“Народная социология”, ставит вопросы о глубине, точности и надежности описательного и объяснительного знания акторов “о себе и о социальном мире, в котором они действуют”, в том числе их знания “о причинах и следствиях собственного поведения и поведения других людей” [там же, 2010: 4]. Представление об интенциональности, скорее всего, связано с ядром “наивных” теорий акторов о собственных действиях и действиях других. Как следствие – экспликация структуры представления об интенциональности будет способствовать пониманию существенных аспектов объяснительного знания о социальном мире.

Структура интенциональности. В западной когнитивной науке влиятельное исследовательское направление занимается представлениями об интенциональности как части наивной “Теории психического” (Theory of Mind)⁴. Это направление восхо-

³ Я не затрагиваю вопрос, насколько “адекватно” люди приписывают свойство интенциональности тому или иному действию. В этом одно из отличий предлагаемого подхода от “семиосоциопсихологии” Т.М. Дридзе. Для нее, помимо акцента на “текстовой деятельности”, была принципиальна проблема адекватности интерпретации действия с точки зрения замысла, цели, интенции, намерения его “автора” [Дридзе, 1984: 46, 84–85]. В конечном счете, для Т.М. Дридзе интенциональность – это научное, “далекое-от-опыта” понятие, которое указывает на ключевое свойство коммуникации и текстовой деятельности [Дридзе, 1996]. Мы исходим из положения, что индивиды используют “наивное” представление об интенциональности для идентификации и объяснения некоторого класса действий.

⁴ Термин “Теория психического” был введен Д. Премаком и Г. Вудруфом в статье об интенциональности у приматов. Они отмечали, что у индивида имеется такая теория, если он приписывает ментальные состояния самому себе и другим. “Система умозаключений такого рода рассматривается как теория, во-первых, потому что такие состояния непосредственно не наблюдаемы, и, во-вторых, потому что такая система может использоваться для осуществления предсказаний, особенно поведения других организмов... Чаще всего мы приписываем такие состояния, как наличие целей и намерений” [Premack, Woodruff, 1987: 515, цит. по: Perner, 1988: 152]. В настоящее время общепринято, что наличие у индивида “Теории психического” означает его способность понимать действия другого в терминах его желаний, мыслей, убеждений (которые могут быть как истинными, так и ложными) и эмоций [Cutting, Dunn, 1999: 853]. Таким образом, представления об интенциональности – важная, но не единственная составляющая “Теории психического”.

дит, по крайней мере, к работе Хайдера и Зиммель [Heider, Simmel, 1944; Heider, 1958]. Современные исследования интуитивных теорий интенциональности действия, связаны, в частности, с экспериментами Б. Малле и его коллег [Malle, 2004]. В них исходное положение таково: существует представление об интенциональности действия, которое позволяет людям объяснять, предсказывать и оценивать поведение других, причем подобные объяснения принципиально отличаются от принятых объяснений непреднамеренного поведения. Основной задачей является прояснение структуры представления об интенциональности и условий, при которых некоторое поведение будет рассмотрено как интенциональное, а также наивных алгоритмов объяснения таких действий [Malle, Knobe, 1997].

В результате этих исследований обоснована и эмпирически проверена модель представления об интенциональном действии и структуры интуитивного объяснения такого действия. *Модель интенционального действия* включает в себя компоненты: желание получить определенный результат; убеждения относительно действий, ведущих к этому результату; намерение (intention) осуществить это действие; умение, навыки осуществлять это действие; осведомленность (awareness) об исполнении намерения в ходе осуществления действия [Malle, Knobe, 1997: 111–112].

Эту модель можно рассматривать как двухуровневую. Первый из них – желания и убеждения, способствующие формированию намерения, второй – наличие умения и осведомленности (рис. 1). Первый уровень базовый в том смысле, что без убеждений и желаний не может существовать намерения, которое является необходимым условием интенциональности. Когда наличие намерения уже идентифицировано, индивидам при некоторых обстоятельствах требуется информация об элементах второго уровня (например, есть основания полагать, что результат получен случайно).

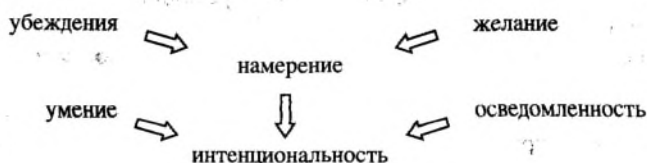

Рис. 1. Модель интенционального действия

Источник: [Malle, Knobe, 1997: 112]

Нельзя не обратить внимания, что компоненты предлагаемой модели в целом соответствуют тем элементам, которые выделяются при рассмотрении интенциональности как научного понятия. Так, Дж. Сёрль указывает, что “разновидностями” интенциональности являются намерение сделать что-то, убеждение, верование, желание, надежда, боязнь и т.д. [Сёрль, 1993: 39]. Специфика рассматриваемого подхода состоит в том, что речь идет об эмпирической модели: для выявления структурных элементов наивных моделей интенциональности действия чаще всего применяется эксперимент с использованием техники виньеток. Варьирование различных факторов, выражающихся в различных элементах предлагаемых испытуемым группам описаний действий (ситуаций, сценариев), позволяет идентифицировать значимость условий, при которых некоторое поведение рассматривается как интенциональное.

Модель объяснения интенционального действия предполагает, что субъекты при объяснении действия ссылаются на определенного рода элементы (виньетки), которые рассматриваются ими в качестве его причин⁵. Эта модель во многом симметрична предыдущей и включает в себя компоненты: 1) субъективное основание (reason), включаю-

⁵ Разумеется, речь идет о понятии причинности как того, “благодаря чему происходит нечто другое”. Это представление нельзя отождествлять с научной причинностью в виде регулярностей, охватывающих законы или постоянные связи [Сёрль, 1993: 43].

щее убеждения или желания действующего; 2) намерение, которое формируется на основе убеждений и желаний; 3) факторы, связанные с возможностью осуществлять действие, включающие обладание необходимыми навыками, приложение усилий, а также наличие способствующих или препятствующих обстоятельств; 4) “причинная история оснований”, – некие причины, которые обуславливают наличие у актора специфических оснований. Это могут быть связи с детством индивида, с его “характерными чертами” или общей культурой (рис. 2) [Malle, 1999].

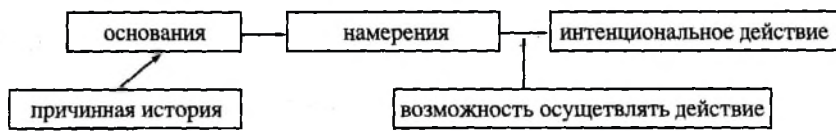

Рис. 2. Модель объяснения интенционального действия

Источник: [Malle, 1999: 32]

Можно показать, что основные усилия в рамках данного исследовательского направления направлены на прояснение условий, при которых “задействуются” некие элементы модели интенционального действия или при которых объяснение такого действия содержит ссылки на определенные компоненты. Например, указание на причину, связанную с наличием у актора возможности осуществлять действие, происходит при объяснении сложных, но при этом очевидных (имеющих понятные субъективные основания) действий [Malle, Knobe, et al. 2000: 316–317]. Чтобы говорить о перспективах исследования интенциональности в отечественной социологии, о ключевых теоретических и методологических проблемах, требуется решить вопрос о том, каким словом наиболее уместно обозначить элемент “наивной” социальной теории, связанный с интенциональностью, в русскоязычном контексте.

О возможных семантических эквивалентах “интенциональности”. Попробуем ответить на вопрос, какое словосочетание в русском языке можно использовать при воспроизведении экспериментальных ситуаций в качестве эквивалентного английскому “acting intentionally”. Значимость поставленного вопроса определяется не соображениями лингвистики и научной коммуникации, а теоретическими проблемами. Так, универсальность модуля восприятия интенционального действия в “теории психического” может быть обоснована только в том случае, если показано наличие аналогичного модуля в культурах за пределами англоговорящего мира⁶. Кроме того, изучение представления об интенциональности в других культурах позволит прояснить вопросы, например, о соотношении интенциональности, с одной стороны, и намерений, приписываний ответственности и восприятия виновности, с другой⁷.

Первым шагом на пути к определению русского эквивалента английскому “intentionally” является очерчивание возможных значений с помощью словарных статей. В качестве таковых могут выступать наречия: умышленно, с умыслом, преднамеренно, намеренно, нарочно [Англо-русский словарь...; Новый Большой англо ...]. К этому перечню добавим еще одно – “специально”, на которое ссылаются Кнобе и Бурра [Knobe, Burra, 2006: 125]. Поскольку среди указанных шести слов две пары – однокоренные (“умышленно” –

⁶ Философ А. Меле считает вопрос: каждая ли культура имеет некоторое понятие интенционального действия, – чрезвычайно важным. Однако имеющиеся исследования на него не отвечают [Mele, 2003: 326]. Впрочем, судя по всему, такое понятие должно существовать во всех культурах в силу универсальности норм индивидуальной ответственности за преднамеренное действие. Несколько иной вопрос состоит в том, будет ли такое понятие иметь ту же структуру, что и в работах Малле и Кнобе.

⁷ См. одну из попыток изучения связи между восприятием намерений и интенциональности: [Knobe, Burra, 2006].

“с умыслом” и “преднамеренно” – “намеренно”), сократим перечень до четырех слов: (1) умышленно, (2) преднамеренно, (3) нарочно и (4) специально.

Подчеркну, что задача не состоит в установлении тождественности одного из указанных русских слов английскому “intentionally” в широком смысле⁸. Скорее, мы пытаемся понять, использование какого из этих слов наиболее уместно при описании действий, которые в западной когнитивной науке и в повседневной речи носителей английского языка обозначаются как “интенциональные”⁹.

Эксперимент 1: метод, участники и процедура. Сужение области поиска эквивалента возможно в результате введения определенных критериев. Один из них – степень субъективной уместности использования слова при описании ситуаций, в которых присутствуют все компоненты интенционального действия (см. рис. 1). Это позволяет сформулировать *первый критерий* – оценить “качество” того или иного эквивалента: если некое описание ситуации содержит ссылки на эти компоненты, то “русский эквивалент” английского “intentionally” должен, как минимум, восприниматься как более уместный для характеристики описанного действия.

По-видимому, есть и дополнительные критерии. В частности, на восприятие уместности слова могут влиять ситуации, характеристики действия. Одним из таких свойств является моральный контекст действия. Полагаем, что английское “intentionally” – нейтрально, оно не содержит осуждающего компонента или указания на моральную желательность совершенного акта¹⁰. В то же время, некоторые из приведенных четырех русских слов на уровне функционирующего сознания могут носить оценочный характер. Соответственно, *второй критерий* состоит в том, чтобы русский эквивалент не зависел от морального контекста.

Для определения слова, удовлетворяющего этим двум критериям, проведен опрос. Испытуемым предлагалось охарактеризовать три вымышленные ситуации, в которых содержались все элементы интенционального действия по Малле. Одно из действий было сконструировано так, чтобы оно воспринималось как неодобряемое, а другое, напротив, как заслуживающее похвалы, третье – нейтрально. Описания ситуаций были сформулированы следующим образом¹¹:

Неодобряемое действие

Анна ненавидит Виктора и не упускает случая разозлить его [желание]. Анна знает, что зеленые “Жигули” во дворе – автомобиль Виктора [убеждение]. Анна решила проколоть шину зеленых “Жигулей”, чтобы разозлить Виктора [намерение]. Для этого Анна взяла острое шило, которое использовала для ремонта своего кожаного дивана [умение]. Однажды вечером, убедившись, что Виктора нет поблизости [осведомленность], Анна проколола шину “Жигулей”.

⁸Добавим, что для понимания смысла экспериментов Б. Малле и коллег достаточно воспользоваться одним из вариантов, предлагаемых словарем. Однако как только ставится задача воспроизвести указанные эксперименты, мы сталкиваемся с проблемой: какое из слов использовать? Не повлияет ли выбор того или иного “словарного” эквивалента на результаты? Соответственно, возникает методическая задача – оценить уместность того или иного варианта перевода, которая ставится в настоящей статье.

⁹Нам неизвестны исследования, сравнивающие уместность использования различных слов английского языка для обозначения интенционального действия. Так, в одном из экспериментов Кнобе и Малле просили испытуемых ответить на открытый вопрос: “Когда Вы говорите, что кто-то совершил действие интенционально (intentionally), что это значит? Пожалуйста, объясните”. При этом, отмечают исследователи, из дальнейшего анализа были исключены ответы, в которых указывались синонимы: “on purpose”, “purposefully”, “deliberately” и др. [Malle, Knobe, 1997: 106]. “Обратная” процедура, судя по всему, произведена не была: после выявления структуры понятия интенционального действия вопрос, имеют ли синонимы аналогичную структуру, не ставился.

¹⁰Впрочем, это утверждение также нуждается в эмпирической проверке. Мы не исключаем, что при некоторых обстоятельствах английское “intentionally” может не оказаться нейтральным словом.

¹¹Основная идея данных примеров заимствована из: [Malle, Knobe, 1997: 113].

Одобряемое действие

Анне нравится Виктор. Она не упускает случая сделать ему что-то приятное [желание]. Анна знает, что зеленые "Жигули" во дворе – автомобиль Виктора. Анна видит, что в мороз трудно открыть дверь машины из-за примерзания [убеждение]. Анна решила помочь Виктору [намерение]. Она взяла специальный аэрозоль, который иногда использует для своей машины [умение]. Однажды утром, выходя на работу раньше Виктора и не видя его рядом [осведомленность], Анна обработала дверь и замки зеленых "Жигулей" аэрозолем.

Нейтральное действие

У Анны есть зеленые "Жигули". Однажды зимним утром она не смогла открыть дверь машины из-за примерзания. На следующий день ей вновь нужно было ехать [желание]. Анна решила справиться с проблемой самостоятельно [убеждение, намерение]. Для этого она взяла аэрозоль, который использовала в прошлом году [умение]. И на следующий день, убедившись, что дверь не открывается [осведомленность], Анна обработала дверь и замки зеленых "Жигулей" аэрозолем.

Участники опроса должны были выбрать одно из суждений, которое наиболее точно характеризует действие Анны. Применительно к "аморальной" ситуации варианты были следующими:

1. Анна специально проколола шину автомобиля Виктора
2. Анна нарочно проколола шину автомобиля Виктора
3. Анна преднамеренно проколола шину автомобиля Виктора
4. Анна умышленно проколола шину автомобиля Виктора

Четыре варианта ответа давались в разном порядке, чтобы исключить влияние последовательности их предъявления.

Участники опроса – студенты бакалавриата и магистратуры факультета социологии ГУ-ВШЭ и Института социологии ГАОУН¹² общей численностью 75 человек.

Вопрос об уместности использования того или иного слова при характеристике ситуации действия был составной частью анкеты, посвященной различным аспектам приписывания виновности и ответственности. Каждому опрошенному была предъявлена только одна ситуация. В итоге "нейтральную" ситуацию выбрали 23 человека, "негативную" – 25, "позитивную" – 27.

Результаты и обсуждение. Исследование показало, что по трем ситуациям наиболее уместным словом, по оценкам опрошенных, является "специально". Его выбрали две трети респондентов. Каждый пятый предпочел слово "преднамеренно", каждый седьмой – "умышленно" и каждый десятый – "нарочно". Таким образом, слово "специально" в наибольшей степени соответствует первому критерию. Небольшое количество опрошенных не позволяет сделать статистически значимых выводов по второму критерию.

Хотя ограниченность и специфика выборки не позволяют сделать окончательные выводы, полагаем, что предварительно можно признать существование различий по степени субъективной уместности использования в указанных ситуациях четырех слов русского языка.

По-видимому, в наибольшей степени словосочетанию "acting intentionally" соответствуют выражения "действовать специально", несколько в меньшей степени – "действовать преднамеренно". Если первое, в глазах респондентов, применимо главным образом к положительным и нейтральным ситуациям, второе – скорее к отрицательным.

Методический вывод состоит в том, что использованная процедура позволяет дифференцировать слова по степени их субъективной уместности. Впрочем, совершенно очевидно могут существовать и другие критерии, которым скорее должен удовлетворять

¹² Автор благодарен выпускнику Института социологии ГАОУН А. Быкову за содействие в опросе студентов этого учреждения.

эквивалент. Например, желательно, чтобы воспринимаемая уместность не зависела от того, сколь успешным оказалось совершенное действие. В использованных ситуациях этот аспект не затрагивался: респонденты могли только догадываться, удалось ли Анне разозлить Виктора (сделать ему приятно / открыть дверь своего автомобиля). Можно предположить, что эквивалент английского *"intentionally"* должен представляться уместным как для успешных действий, так и для тех, которые не привели к желаемому результату. Вопрос, в какой степени само английское наречие удовлетворяет этому критерию, остается открытым.

Другой, скорее лингвистический, критерий связан с тем, что русский эквивалент должен в идеале допускать перевод различных форм и словосочетаний с использованием английского слова: не только *"acting intentionally"*, но и *"intentional action"* и *"intentionality"*. В этом смысле наречие *"преднамеренно"* более удачно, чем *"специально"*. Оно позволяет использовать не только словосочетание *"действовать преднамеренно"* и *"преднамеренное действие"*, но и существительное *"преднамеренность"*.

Эксперимент 2: метод, участники и процедура. Другой – скорее вспомогательный – метод поиска эквивалента английскому слову *"intentionally"* предполагает использование критериев статистической значимости различий в оценках, даваемых респондентами представленному им описанию действия. Этот метод ориентирован на решение задачи следующего типа. Допустим, предыдущие исследования показали, что возможными эквивалентами являются два наречия – *"преднамеренно"* и *"специально"*. Существуют ли различия в том, как воспринимаются и оцениваются вопросы, если варьировать в используемых формулировках только употребление того или иного наречия? Если различия обнаружены не будут, это станет аргументом в пользу использования двух слов в качестве полных синонимов. Напротив, если они будут выявлены, откроется возможность поиска дополнительных доводов в пользу применения того или иного слова в качестве эквивалента английскому *"intentionally"*. Подобным доводом может стать близость полученных оценок или наблюдаемых эффектов тем, что наблюдаются в англоязычном контексте.

Возможности этого методического подхода проверены посредством сравнения ответов на вопрос, в котором варьировалось присутствие наречия *"преднамеренно"* или *"специально"* (объем выборки не позволил использовать другие два слова – *"нарочно"* и *"умышленно"*). Формулировка ситуации действия взята из эксперимента Дж. Кнобе. В нём показано, что некое действие гораздо чаще воспринимается как интенциональное, если оно вело к неблагоприятным побочным последствиям, не к позитивным изменениям. Виньетка с неблагоприятным последствием выглядела следующим образом [Knobe, 2003; Knobe, 2006]:

Вице-президент компании пришёл к председателю правления и сказал: "Мы думаем запустить новую программу. Она поможет нам увеличить прибыль, но также причинит вред окружающей среде". Председатель правления ответил: "Меня не интересует вред, причиняемый окружающей среде. Я просто хочу получить максимально возможную прибыль. Давайте запустим новую программу". Программа была запущена. И окружающей среде был нанесён ущерб". Виньетка с благоприятным исходом выглядела аналогично, за исключением указания на то, что новая программа *"принесёт пользу окружающей среде"* и что принятое решение действительно *"положительно сказалось на состоянии окружающей среды"*.

В ходе эксперимента половине испытуемых, вслед за Кнобе, задавался вопрос о том, думают ли они, что председатель правления преднамеренно причинил вред окружающей среде/принес пользу окружающей среде. Второй половине задавался аналогичный вопрос, но с использованием слова *"специально"*. Варианты ответа – дихотомическая шкала (согласие/несогласие). Все респонденты получали по две виньетки (одна с положительным исходом, а другая – с отрицательным), порядок предъявления варьировался. Участники опроса – студенты бакалавриата и магистратуры факультета социологии ГУ-ВШЭ и Института социологии ГАОУН общей численностью 63 человека. Этот вопрос был составной частью анкеты, посвященной аспектам при-

писывания виновности и ответственности. Термины “специально” и “преднамеренно” ранее в анкете не фигурировали.

Результаты и обсуждение. Логика данного эксперимента предполагает отдельный анализ ответов на вопрос, соответствующий виньетке с неблагоприятным и позитивным исходом.

В случае виньетки, в которой описывается ущерб, нанесенный окружающей среде, половина респондентов оценили действия председателя правления как преднамеренные. В другой группе, которой был предъявлен вопрос со словом “специально”, доля согласившихся составила треть. Данное различие является статистически значимым при $\chi^2 = 4,1$, $p < 0,05$.

При оценке виньетки с положительными для природы последствиями каждый десятый респондент согласился с тем, что действия председателя правления были преднамеренными. В группе отвечавших на вопрос со словом “специально” данный показатель был избран каждым десятым. Это различие не является статистически значимым при $\chi^2 = 0,03$, $p > 0,8$.

Таким образом, есть различия в восприятии вопросов, в которых использовано то или иное наречие. Значит, использовать эти слова в качестве синонимов в дальнейших исследованиях, связанных с тематикой интенциональности, не вполне корректно. Какое наречие уместнее в таком контексте? Полученные результаты позволяют выдвинуть аргумент в пользу использования слова “преднамеренно”. Обратим внимание, что “эффект Кнобе” проявился в обеих формулировках: респонденты чаще считали последствия результатом преднамеренного (специального) поступка, если речь шла об ущербе окружающей среде. В то же время, эффект более четко обнаруживает себя при использовании слова “преднамеренно”, что согласуется с данными, полученными Дж. Кнобе.

Впрочем, в перспективе могут быть сформулированы иные гипотезы о том, в чем именно специфика употребления терминов “преднамеренно” и “специально”. Один из возможных алгоритмов поиска – воспроизведение экспериментов Малле и Кнобе, нацеленных на выявление структуры интуитивных представлений об интенциональном действии с варьированием в переведенных виньетках и вопросах слов “преднамеренно” и “специально”. Реализация такого замысла не только позволит выявить различия интуитивного понимания этих двух слов, но и, вероятно, поспособствует решению задачи о том, какое из них больше соответствует английскому “intentionally”.

Будущие исследования могут показать, что обнаруженное в нашем втором эксперименте различие – некий эпифеномен, вызванный спецификой нашего инструментария или выборки. В таком случае можно будет сделать вывод, что рассмотренные два наречия допустимо использовать в качестве синонимов при воспроизведении экспериментов, реализованных в западной науке, а также в ходе дальнейшего изучения “наивных” социальных теорий.

Заключение. Полученные в рамках двух экспериментов результаты не вполне однозначны. С одной стороны, первый позволяет сделать вывод о наличии субъективно воспринимаемых различий по степени уместности употребления четырех наречий (умышленно, преднамеренно, нарочно и специально) при описании ситуаций интенционального действия. Полученные данные указывают, что в качестве предпочтительного эквивалента “acting intentionally” выступает словосочетание “действовать специально”, в меньшей степени – “действовать преднамеренно”. Более того, возможен предварительный вывод, что моральный контекст ситуации действия влияет на уместность того или иного наречия. В случае, если действие морально одобряемо или нейтрально, более уместна его характеристика как “специального”, а если действие аморально, предпочтительнее его описание как “преднамеренного”.

С другой стороны, второй эксперимент с предъявлением испытуемым одной ситуации с варьированием в вопросе слов “специально” и “преднамеренно” свидетельствует, что могут наблюдаться статистически значимые различия при ответе на соответствующие вопросы. Мы полагаем, что эти результаты указывают на большую уместность использования наречия “преднамеренно” в качестве синонима “intentionally”.

Таким образом, имеющиеся данные не позволяют сделать окончательный вывод о том, какой термин следует использовать при переводе описаний интенционального действия, используемых в западной когнитивной науке. Рискнем предположить, что “acting intentionally” – это скорее “действовать специально” или “действовать преднамеренно”. Попробуем в качестве заключения обозначить некоторые проблемы, актуальные в первую очередь для раздела социологии, нацеленного на изучение знания о социальном мире [Девятко, Абрамов, Кожанов, 2010]. Полагаем, что значительный интерес представляют по меньшей мере три направления.

1. *Изучение условий, при которых индивиды, объясняя интенциональные действия, ссылаются на социальные факторы.* Эксперименты Б. Малле показывают, что одним из видов “причинных историй оснований” действия могут быть ссылки на социальные факторы¹³. Исследователи не исключают, что испытуемые могут привлекать такие объяснения действиям, которые сходны с дюркгеймовским анализом самоубийства (указание на социальные детерминанты вроде социальной изоляции и др.) [Malle, 1999: 33]. Известно, что в целом индивиды достаточно редко ссылаются на “причинные истории оснований” интенциональных действий, однако информация о частоте и обстоятельствах использования таких объяснений в терминах социальных факторов отсутствует. И в этом смысле речь идет скорее не о поиске аргументов в пользу того, являются ли “люди с улицы” “наивными” социологами (или психологами), а о выявлении условий, при которых индивиды, объясняя интенциональные действия других, вполне обыденно ссылаются на социальные факторы. Другой вопрос, выходящий за пределы рассматриваемой области, состоит в том, насколько точно могут люди оценивать свойства и параметры этих факторов.

2. *Выявление социальных функций, выполняемых обыденными объяснениями интенциональных действий.* Б. Малле и коллеги выдвинули предположение, что используемые индивидами инструменты объяснения выполняют специфические социальные функции. Экспериментально было подтверждено наличие психологических функций – таких как демонстрация собственного согласия с основаниями агента, действие которого объясняется, или управление впечатлением. Например, если индивид желает казаться рациональным, то при объяснении своего поведения он будет делать акцент на субъективных основаниях и своих убеждениях [Malle, Knobe, et al. 2000: 321]. Вопрос, могут ли объяснения интенционального действия выполнять и собственно социальные функции, остается открытым. Исследования, проясняющие связь между такими объяснениями и приписыванием ответственности и виновности, по-видимому, свидетельствуют о возможности такой постановки вопроса [Lagnado, Channon].

3. *Изучение вопроса о том, когда и при каких обстоятельствах свойство интенциональности может приписываться групповым и институциональным акторам.* В рамках когнитивной науки показано, что, действительно, группам (как правило, малым) зачастую приписывается свойство интенциональности¹⁴. Верно ли то же самое относительно институциональных и корпоративных образований?¹⁵ Ответ на этот вопрос зависит в том числе от того, что представляют собой теории групп, сообществ, институтов и общества в целом. В рамках когнитивной науки имеются некоторые результаты в этой области, но их экспликация и кодификация – тема отдельной работы (см., например: [Hong, Levy, Chiu, 2001; Hirschfeld, 2001]).

¹³ Действие “Иван добровольно в течение месяца работал каждый день по 14 часов” может объясняться ссылкой, что “такова норма трудового коллектива”.

¹⁴ Прежде всего, воспроизведение эксперимента Хайдера и Зиммель, где перемещающимися объектами (им приписывались различные свойства, в том числе интенциональность) были не геометрические фигуры, а “группы”, состоящие из нескольких точек [Bloom, Veres, 1999].

¹⁵ В этой связи релевантно обсуждение возможных культурных различий того, кого можно рассматривать в качестве “действующего” [Morris, Menon, Ames, 2001].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Англо-русский словарь общей лексики "Lingvo Universal" [Электронный ресурс]. URL: <http://lingvo.abbyyonline.com/ru/en-ru> (дата обращения: 18.08.2010).
- Гидденс Э. Новые правила социологического метода // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. М.: Книжный дом "Университет", 2002. Ч. 2.
- Гирц К. С точки зрения туземца: о природе понимания в культурной антропологии // Девятко И.Ф. Модели объяснения и логика социологического исследования. М.: ИСО-TEMPUS/TASIS, 1996.
- Девятко И.Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: "Аванти плюс", 2003.
- Девятко И.Ф., Абрамов Р.Н., Кожанов А.А. О пределах и природе дескриптивного обыденного знания о социальном мире // Социол. исслед. 2010. № 9.
- Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М.: Наука, 1984.
- Дридзе Т.М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // Общественные науки и современность. 1996. № 3.
- Ландгребе Л. Интенциональность у Гуссерля и Brentano // Логос. 2002. № 2 (33).
- Новый Большой англо-русский словарь. М., 1993–1994.
- Сёрль Д. Сознание, мозг и наука // Путь. Международный философский журнал. 1993. № 4.
- Шмерлина И.А. "Натуралистический подход" Дж. Серля к проблеме институциональной реальности // Социологический журнал. 2005. № 2.
- Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004.
- American Journal of Economics and Sociology. 2003. Vol. 62. N. 1.
- Bloom P., Veres C. The perceived intentionality of groups // Cognition. 1999. Vol. 71.
- Cutting A., Dunn J. Theory of Mind, Emotion Understanding, Language, and Family Background: Individual Differences and Interrelations // Child Development. 1999. Vol. 70. N 4.
- Heider F. The Psychology of Interpersonal Relations. New York: Wiley, 1958.
- Heider F., Simmel M. An Experimental Study of Apparent Behavior // The American Journal of Psychology. 1944. Vol. 57, N 2.
- Hirschfeld L. On a Folk Theory of Society: Children, Evolution, and Mental Representations of Social Groups // Personality and Social Psychology Review. 2001. Vol. 5. N 2.
- Hong Y., Levy S., Chiu C. The Contribution of the Lay Theories Approach to the Study of Groups // Personality and Social Psychology Review. 2001. Vol. 5. N 2.
- Knobe J. Intentional Action and Side Effects in Ordinary Language // Analysis. 2003. Vol. 63. N 3.
- Knobe J. The Concept of Intentional Action: a Case Study in the Uses of Folk Psychology // Philosophical Studies. 2006. Vol. 130.
- Knobe J., Burra A. The Folk Concepts of Intention and Intentional Action: A Cross-Cultural Study // Journal of Cognition and Culture. 2006. Vol. 6. N 1–2.
- Lagnado D.A., Channon S. Judgements of Cause and Blame // Cognition. Vol. 108. N 3.
- Malle B. How the Mind Explains Behavior: Folk Explanations, Meaning, and Social Interaction. Cambridge, MA: MIT Press, 2004.
- Malle B. How People Explain Behavior: A New Theoretical Framework // Personality and Social Psychology Review. 1999. Vol. 3. N 1.
- Malle B., Knobe J. The Folk Concept of Intentionality // Journal of Experimental Social Psychology. 1997. Vol. 33.
- Malle B., Knobe J., O'Laughlin M., Pearce G., and Nelson S: Conceptual Structure and Social Functions of Behavior Explanations // Journal of Personality and Social Psychology. 2000. Vol. 79.
- Mele A. Intentional Action: Controversies, Data, and Core Hypotheses // Philosophical Psychology, 2003, Vol. 16. N 2.
- Morris M., Menon T., Ames D. Culturally Conferred Conceptions of Agency: A Key to Social Perception of Persons, Groups, and Other Actors // Personality and Social Psychology Review. 2001. Vol. 5. N 2.
- Perner J. Developing Semantics for Theories of Mind: From Propositional Attitudes to Mental Representation // Developing Theories of Mind / Ed. by J.W. Astington, P.L. Harris, D.R. Olson. Cambridge Univ. Press, 1988.
- Premack D., Woodruff G. Does the chimpanzee have a theory of mind? // Behavioral and Brain Sciences. 1978. Vol. 1. Issue 4.